

них вступила в силу, другая осталась нереализованной. Не все из этих проектов были инициированы и подготовлены командой Столыпина — некоторые достались ему «по наследству». Однако именно Столыпин объединил их в систему, в основе которой лежало целостное представление о том, какой должна быть Россия, дабы, сохранив уникальность своей культуры, не проиграть в мировой конкурентной борьбе. Мы по праву можем говорить о наличии у Столыпина самостоятельной концепции преобразований.

Столыпин прекрасно осознавал масштабность переживаемой Россией в начале XX века трансформации и давал ей адекватные определения: «эпоха перемен», «великий перелом», «перестройка и брожение», «период перестройки», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев»².

Понимая всю сложность ситуации системного кризиса в стране, Столыпин предлагал решить в рамках переходного периода две взаимосвязанные проблемы. Первая (так называемая отрицательная задача) состояла в оперативном прекращении революции. Вторая (так называемая

положительная задача) сводилась к проведению системных реформ, позволявших в конечном счёте создать динамично развивающуюся Россию. Как известно, с отрицательной задачей Столыпин справился и фактически обеспечил России 12-летнюю паузу — между революциями 1905 и 1917 года.

Решая положительную задачу, Столыпин считал важнейшим фактором российский исторический опыт формирования и функционирования государственности, социокультурные традиции русского народа. Красной нитью через все сохранившиеся столыпинские тексты проходит мысль о необходимости идти «своим, русским, национальным путём»³ — как при разработке исходного замысла преобразований, так и во всей технологической «цепочке» их реализации.

Руководящая идея Столыпина состояла в том, что реформы в своей совокупности должны непременно способствовать укреплению государственного единства и целостности России. Подобное укрепление должно было осуществляться на основе «исторического ядра» государственности — русского народа и православия.

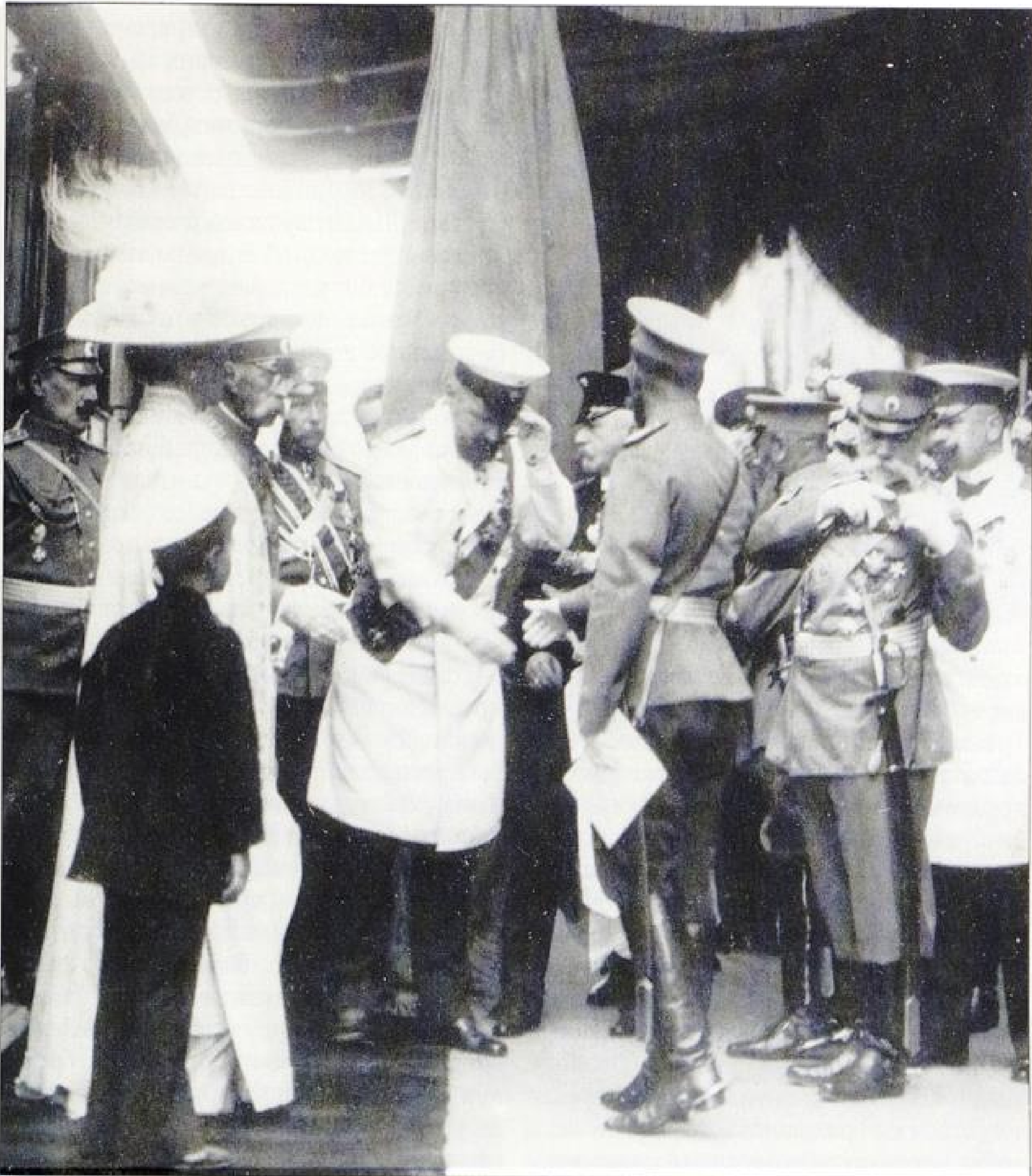
Столыпин подчёркивал, что выделение им этого «ядра» ни в коей мере не означает ущемления и тем более автоматического поглощения других многочисленных этносов и конфессий. В понимании Столыпина речь шла о сохранении и упрочении «русского ствола», выполнявшего «цементирующую роль» в многовековой истории России.

Столыпин обращал внимание не только на необходимость внутренней политической стабильности в стране, но и на упорочение международного престижа России. Являясь противником силовых методов разрешения внешнеполитических конфликтов, особенно в условиях сохранявшейся внутренней кризисной ситуации, Столыпин вместе с тем прекрасно осознавал возможность втягивания страны в войну и понимал важность обладания мощным оборонным потенциалом.

Внутриполитическая стабилизация и благоприятная международная обстановка должны были стать, по мысли Столыпина, главными факторами, обеспечивающими эффективность трансформационных процессов на протяжении всего переходного периода.

Ведущим «маховиком» трансформации Столыпин считал исполнительную ветвь власти в лице сильного правительства, назначаемого монархом и действующего под его личным контролем. Правительству следовало взять на себя всю тяжесть ответственности за судьбы страны и создать стройный и эффективный центральный и региональный аппарат управления⁴.

В условиях переходного периода огромное значение приобрела проблема сотрудничества между исполнительной и представительной ветвями власти. Столыпин неоднократно подчёркивал, что Дума является важнейшим фактором «воссоздания государственных устоев порядка»⁵, что обеим ветвям власти важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен»⁶. Таким «языком», по его мнению, должно было стать сходное понимание правительством и «молодым народным представительством» общенациональных и общегосударственных задач. «Правительство, — подчёркивал Столыпин, — готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накоплен-

Председатель Совета министров П. А. Столыпин приветствует Николая II, прибывшего в Киев на торжества, посвящённые открытию земских учреждений и памятника императору Александру II. Среди присутствующих императрица Александра Фёдоровна, цесаревич Алексей, великая княжна Ольга, дворцовый комендант генерал-адъютант В. А. Дедюлин (второй слева), министр двора В. Б. Фредерикс, генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов. Август 1911 г. Фотограф Его императорского величества К. Е. фон Ган. РГАКФД.